

Н.Р. САЕНКО
(Волгоград)

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
ЛИШАЕВ С.А. ЭСТЕТИКА ДРУГОГО.
СПб.: Изд-во СПб. ун-та,
2008. 380 с.**

Узловыми моментами духовной судьбы индивида и целой культуры, с нашей точки зрения, являются встречи с небытием. Это могут быть смерть близкого, угроза собственной жизни, война, предательство, разочарование и т.п. Однако бытие человеческой культуры специфично парадоксами, одним из которых становится то, что человек соприкасается с небытием и в ситуациях, внешне не примечательных, даже, казалось бы, нейтральных и благополучных.

Соприкосновения с небытием могут иметь кардинально противоположные последствия: опустошить человека, но и даровать ему самость. В рецензируемой книге С.А. Лишаева «Эстетика Другого» составлена типология диалогов с небытием, причем богато иллюстрированная фрагментами литературных произведений. Данная книга является попыткой понимания эстетики как отрасли онтологии. Предметом внимания автора в «онтологии эстетического» оказываются состояния (расположения), в которых человек имеет дело с данностью Другого в чувстве, с чувством Другого (Иного). В авторской концепции С. А. Лишаева «эстетическое» выходит далеко за рамки «науки о прекрасном», но при этом не может отождествляться с чувственным опытом как таковым ни в его гносеологической, ни в онтологической трактовке. «“Эстетическое” здесь – чувственная данность, в которой присутствует Другое. Иначе говоря, эстетическое – это не только особенное чувство, но и чувство особенного, Другого» (с. 21).

Интересными и плодотворными являются размышления автора над «кентавричностью» любого эстетического бытия: «...становление Другим захватывает в равной мере и человека, и созерцаемую им вещь (когда эстетический опыт связан с созерцанием). Эстетическое со-

бытие – это событие рождения и смерти нового существа, человека-вещи, своего рода эстетического кентавра. Его рождение нельзя предсказать заранее. С выходом из конкретной эстетической ситуации эстетический кентавр умирает. Его нет вне эстетического события встречи и сочетания вот-этого человека и вот-этого дерева. Но дерево соединило с собой человека, и не человек по своему произволу “погрузился” в созерцание дерева, но “что-то” третье соединило “в Красоте” два существа, человека и дерево, в новое, “кентаврическое” единство, и этим третьим элементом будет то, что мы назвали Другим (Иным)» (с. 23 – 24).

По сути, Лишаев развивает парадигму онтологической поэтики, основы которой заложены европейской феноменологией и некоторыми идеями М. Хайдеггера и Г.Г. Гадамера. В современной эстетике и философии искусства эта линия продолжается Л. Карасевым, М. Эпштейном, Ж. Диди-Юберманом, М. Липовецким, И. П. Смирновым, Ф. Гиренком. Философия (а в кругу затронутых Лишаевым проблем – метафизика) ищет форму репрезентации своих идей. Искусство (литература органичнее других видов) оказывается наиболее гармоничной «одеждой» для метафизики. Лишаев поэтому имеет возможность предлагать авторские обобщения, например, следующего типа: «Эстетическое – это субъективно фиксируемый (ощутимый, связываемый с восприятием некоторой чувственно данной предметности) эффект действия мета-физического “в” физической среде, Другого – в сущем» (с. 28).

Книга С. А. Лишаева написана как словарь категорий отрицательной онтологической эстетики. Часть первая «Эстетика как онтология чувственной данности Другого» посвящена раскрытию авторских понятий «расположение», «проэстетическая расположенность», «эстетика утверждения», «эстетика отвержения». Две следующие части – онтология эстетических расположений: утверждающие и отвергающие расположения. В параграфе «Преэстетическая расположенность человека и вещи» автор очень

близок к позиции М. Мерло-Понти, особенно когда пишет: «Есть вещи, которые содержат в себе (в своей форме, консистенции, окраске, характере движения и проч.) возможность актуализации в качестве “мимо-летных”, но не “ветхих”, не “возвышенных”, не “безобразных” вещей» (с. 40). Фактически С. А. Лишаев утверждает, что у эстетического расположения есть онтологические причины. Так, он делает вывод: «Презрестетически значимые вещи – это своего рода “заготовки”, “сырые материалы” для “прекрасного”, “ветхого”, “ужасного” как актуальных эстетических расположений, которые – до их эстетического преобразования – наличествуют как “просто вещи”, как предметы природы и культуры... Это “дремлющий” ужас, это “спящая” красота, это не знающая себя “ветхость”...» (Там же).

Онтолого-эстетическое описание и истолкование отвергающих расположений (этому посвящена третья часть книги) представляются нам весьма актуальной задачей. Вплоть до сегодняшнего дня «отвергающие» («негативные») эстетические расположения не получили еще развернутого описания и истолкования. Автор рассматривает в качестве отвергающих расположений безобразное, ужасное и страшное, а также останавливается на уродливом и онтически страшном. Целью исследователя становится «... конкретизация эстетики отвержения как особой области на карте эстетических расположений» (с. 210). Третью часть книги мы считаем настоящим авторским открытием С.А. Лишаева, он системно и подробно дает общую характеристику безобразного и, что самое ценное, настаивает на получении человеком опыта переживания «бесформенности», «без-образности», не-мирности, хаотичности, чуждости при встрече с безобразным предметом. «Безобразное – это хаос (Небытие), нашедший себе выражение не в чем-то “беспредельном”, не в неопределенности пространства, а в определенной вещи и форме» (с. 218).

Углублением онтологических основ эстетики и усложнением отрицательной эстетики является деление небытия на положительное и отрицательное. «Небытие положительно присутствует в вещи (и мы это чувствуем, непроизвольно отвращаясь от такого предмета): оно присутствует в дисгармонии ее элементов, в своеобразном сочетании “моделирующих” ее цветовых пятен, в

характерном рисунке ее движения и т. п. Безобразным будет для нас предмет, чувственная форма которого служит не выражению смысла, а, напротив, выражению бессмыслицы, в безобразном под личиной некоего что прячется “ни-что”-Небытие; здесь оформленность, которая сама по себе есть хотя бы минимальное выражение смысла, оказывается орудием бессмыслицы, здесь формой утверждается бесформенность, здесь форма служит отвержению Присутствия как способа осмысленного существования (существования в оформленно-осмысленном мире). Безобразная вещь для нас есть хаос, приобретший огранку, форма, несущая в себе бесформенное, “чужое”. Безобразное – воплощенное противоречие: образ без-образного, чувственная данность нечувственного, Небытие в его положительном присутствии» (Там же). Весьма убедительным является объяснение, почему безобразное нас страшит: «Присутствие Небытия – угроза моей способности присутствовать, а потому безобразная вещь не только отталкивает от себя, но и страшит» (с. 219).

Считаем, что, предлагая предварительный список презрестетически безобразных предметов, Лишаев делает очень трудный исследовательский шаг. В частности, он называет: 1) формы животной жизни, которые максимально далеки от формы жизни человеческих существ и которые при этом активно проявляют свою жизненность; 2) мертвые и разлагающиеся тела высших животных, теряющие свою первоначальную форму; 3) тягучие, желеобразные массы и вещества бесформенного вида. Книга С. А. Лишаева – это очень эффективный инструмент для понимания визионерских художественных текстов. В частности, вооружившись предложенной автором системой, мы можем выстроить целостную стройную интерпретацию романа Х. Мураками «Хроники Заводной Птицы», который является детальным изображением многообразия встреч и соприкосновений человека с небытием. Страх, ужас, обновление, опустошение, остранение, одиночество, раздвоение, отчуждение и множество других чувств являются составляющими спектра переживаний героев книги. Метод онтологической эстетики и эстетических расположений работает как собирающая линза, позволяя сокращать путь от многообразия интерпретаций до целостного понимания художественного текста.